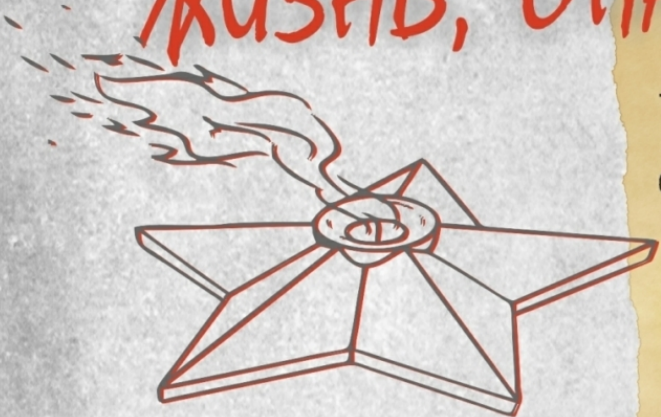

ЖИЗНЬ, ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ

Сборник воспоминаний сотрудников и читателей
библиотечной системы Красногвардейского района
г. Санкт-Петербурга о жизни в годы
Великой Отечественной войны в рамках
проекта «Библиотека памяти Победы»

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941–1945 гг.“

12+

Тамара Зыкова
Жизнь, опаленная войной

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Зыкова Т. А.

Жизнь, опаленная войной / Т. А. Зыкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Сборник воспоминаний сотрудников и читателей Централизованной библиотечной системы Красногвардейского района Санкт-Петербурга о собственной жизни и жизни своих родных в годы Великой Отечественной войны. Он посвящен 75-летию Победы и Году памяти и славы, объявленному в 2020 г. в России. Наши авторы вспомнили о солдатах и командирах, прошедших войну, тружениках тыла, матерях и детях, внесших свой вклад в общую Победу, перенесших трудности, тяготы и лишения. Каждое воспоминание показывает, с какой теплотой и гордостью авторы хранят память о своих близких и стараются передать ее потомкам. Тем самым сохраняя навсегда жизнь своих предков, их беды, надежды, подвиги, само «чудо жизни» во время войны. Пока мы помним прошлое, мы сохраняем будущее.

Содержание

Жизнь, опаленная войной	5
От составителей	6
Воспоминания Тамары Зыковой о прадедушке Смирнове Петре Федоровиче	7
Семья Лазаревых	14
Воспоминания Ольги Николаевны Зотовой об отце Николае Николаевиче Мазовка	22
Воспоминания Смирновой Веры Петровны (род. 1932 г.)	31
Фрагмент книги воспоминаний Евсеевой Веры Андреевны	34
Ностальгия	41
Воспоминания Журавлева Михаила Матвеевича	42
Предисловие	43
(Мои) Воспоминания	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Тамара Зыкова, Ольга Зотова, Вера
Смирнова, Михаил Журавлев, Виктория
Прокуратова, Ирина Крыжановская,
Светлана Мишиева, Элеонора Григорьянц,
Людмила Березина, Ирина Чудакова,
Татьяна Кулёмина, Вера Евсеева
Жизнь, опаленная войной**

Жизнь, опаленная войной

Сборник воспоминаний сотрудников и читателей библиотечной системы Красногвардейского района г. Санкт-Петербурга о жизни в годы Великой Отечественной войны в рамках проекта «Библиотека памяти Победы»

От составителей

Перед вами сборник воспоминаний сотрудников и читателей Централизованной библиотечной системы Красногвардейского района Санкт-Петербурга о собственной жизни и жизни своих родных в годы Великой Отечественной войны. Он посвящен 75-летию Победы и Году памяти и славы, объявленному в 2020 г. в России.

Наши авторы вспомнили о солдатах и командирах, прошедших войну, тружениках тыла, матерях и детях, внесших свой вклад в общую Победу, перенесших трудности, тяготы и лишения.

Каждое воспоминание показывает, с какой теплотой и гордостью авторы хранят память о своих близких и стараются передать ее потомкам. Тем самым сохраняя навсегда жизнь своих предков, их беды, надежды, подвиги, само «чудо жизни» во время войны. Пока мы помним прошлое, мы сохраняем будущее.

В связи с пандемией, многие материалы от читателей нам не удалось получить и включить в сборник. В перспективе мы планируем продолжить эту работу, собрать все воспоминания и опубликовать их в другом формате.

Выражаем признательность нашим читателям и сотрудникам, которые откликнулись на просьбу об участии в проекте.

Воспоминания Тамары Зыковой о прадедушке Смирнове Петре Федоровиче

**Смирнов
Петр Федорович**
сержант

бессмертный полк

Меня зовут Тамара Зыкова, и я хочу Вам рассказать про своего прадедушку – Смирнова Петра Федоровича. Мой прадедушка родился в 1901 году, в Ярославской области. Точная дата нам неизвестна. Он женился на моей прабабушке. Ее звали Манефа и они стали жить в поселке

Талица, Буйского района, Костромской области. Это небольшой поселок. Там до сих пор сейчас живут моя бабушка и мой дедушка.

Про моего прадедушку известно, что он был стахановцем и изобрел новый метод работы с лучковой пилой. У нас есть даже газетные вырезки 30-х годов, в которых написано про моего прадедушку и есть его фотография. Из-за этого его не пускали на фронт. Два раза он просился и два раза ему отказывали. Только в 1942 году ему разрешили пройти обучение на сержанта. Его отправили в районный центр на обучение. После того как прадедушка выучился на сержанта, его на поезде вместе с остальными направили на фронт. Поезд шел мимо районного города Буя, около которого находится поселок Талица. В тот момент там жили его жена и четверо детей: три девочки и мальчик.

Кр-ка
 1/10
 00397003
 РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА № 163093

1. Фамилия, имя, отчество	Смирнов Петр
2. Год рождения	1901г.
3. Место рождения	Ярославск. обл. Ореховский р-н Романцовский с/с.
4. Звание и специальная должность	кр-ср - стрелок
5. Партией, образованием, национальностью	б/п - 3 кл - рус.
6. Семейное положение	нет - текайт
7. Принадлежность к классу	1942г.
8. К какому подразделению прикомандирован	Ореховский РКК Ярославск. обл. 1.03.42г.
9. В какую часть армии и в какой специальности	нет
10. Какие имеет награды	нет
11. Когда выдана из части по какому причине	946 с.ж. - 8 мес.
12. Куда и когда направлен для работы, с какой документацией	ЖЛР-1354-12/1-432-СМ.Сп
13. Место жительства до приезда в РККА	см. § 3
14. Где и в какой специальности работал	Уработчик
15. Когда и куда направлен	1202.43г. ОЗСВ-67лрм. Ком. № 2/308

Подпись регистратора
 12 гелр

Регистрационная карточка Смирнова П.Ф.

Самую старшую из девочек зовут Тамара. Это моя бабушка и меня назвали в ее честь. Ей сейчас 92 года и она отлично помнит своего папу. И вот что она рассказывает. Оказывается, когда эшелон остановился недалеко от города Буя, прадедуська отпросился всего на один день, чтобы повидать своих родных. Он их не видел целых полгода.

И тогда он ночью вышел и прошел через весь лес. Затем дошел до деревни. Он прошел 40 километров, день один повидался, и также точно вечером ушел обратно. И это был последний раз, когда моего прадедушку видели живым.

С фронта от него пришло всего два письма. О первом письме бабушка ничего не помнит. А про второе письмо она рассказывает так: он писал о том, что «...сражения страшные»; о том, что «...повсюду взрывы». Он просил помолиться о нем и вспоминать его. Он писал: «Мои любимые жена, мои любимые дети. Помолитесь обо мне. Завтра мы идем в бой».

Больше вестей от него не было. И, конечно же, моя прабабушка Манефа не знала, что с ним.

Прабабушка Смирнова (Стратунова) Манефа Алексеевна с детьми

Что же за время войны было с моей прабабушкой и с ее детьми? Моей бабушке (Тамаре) было 13 лет. Она работала. Она отлично помнит, как ела картофельные очистки, как не хватало еды. Несмотря на то, что жили в деревне, и там с едой было легче, чем в городе. Она помнит немецкие самолеты. Казалось бы это достаточно далеко от границы фронта, но, тем не менее, город Буя – очень важный узел в железнодорожном сообщении. Именно там проходили эшелоны с техникой из Нижнего Тагила, и немцы пытались разбомбить его. Бабушка Тамара отлично это помнит.

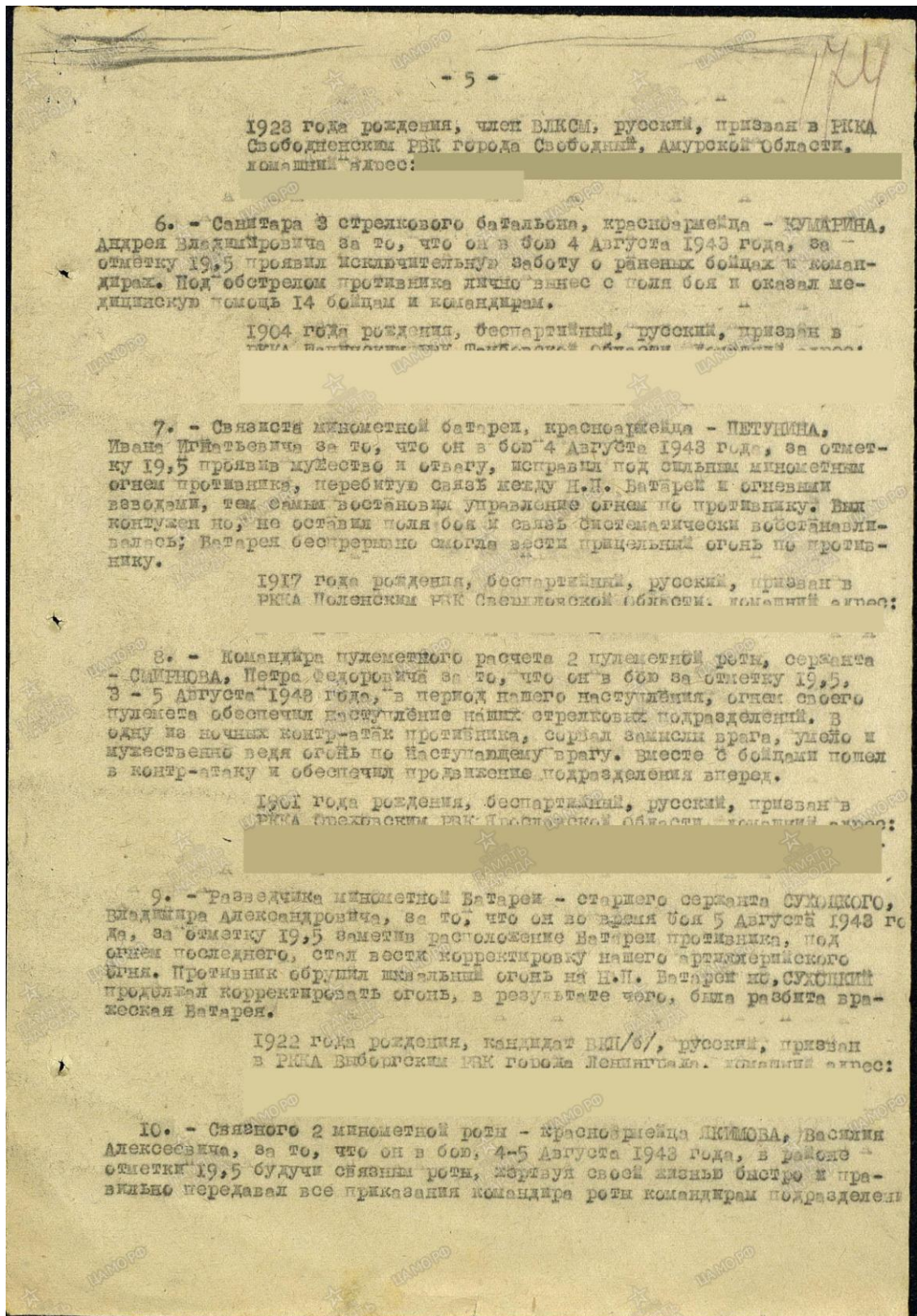
Моя прабабушка Манефа не знала, что с прадедушкой и уже ближе к концу войны решила погадать. Она вместе со своей сестрой (это моя прабабушка Клавдия) взяли обручальные кольца. Клавдия ждала своего мужа – Зиновия, а моя прабабушка – своего мужа (моего прадедушку) – Петра. Они опустили свои кольца в стакан с водой и спустились в подвал. Дальше я не знаю, что там происходило, но, тем не менее, ночью они увидели необычные сны. Прабабушка Манефа увидела холмик и это, конечно, была грустная весть. А прабабушка Клавдия увидела, как ее муж перешагивал через красные ленточки. И совершенно не понимала, что это значило и постепенно про этот сон забыла... И когда закончилась война, получилась очень неожиданная история. Моя двоюродная прабабушка Клавдия – уже собиралась выйти замуж

за хорошего человека, а моего прадедушку Зиновия признали погибшим без вести, также как и моего прадедушку – Петю. На прадедушку Петю в итоге пришла похоронка.

Но тут неожиданно дедушка Зиновий вернулся (немного покалеченный). Это я знаю только со слов бабушки. И это было неожиданностью. Оказывается, он попал в плен, в один из известных концлагерей. Бежал оттуда два раза и его ловили с собаками. На третий раз ему все-таки удалось сбежать. Так получилось, что он какое-то время после войны провел в наших лагерях и через какое-то время его отпустили. Он вернулся, и прабабушка Клавдия осталась со своим мужем – Зиновием. Они прожили долгую жизнь. У них было много детей.

Прадедушка Петя пропал без вести. Моя тетя (Галина Анатольевна Титова) решила узнать в исторических архивах, что же с ним случилось, и мы нашли много интересной информации. Оказывается, мой прадедушка попал в 90-ую стрелковую дивизию, 286-ой стрелковый полк. И участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Сначала мы думали, что он там погиб, т.к. была такая информация. Но оказалось, что это не совсем так. Но первый документ, который нам удалось найти – это документ о том, что прадедушке дали медаль за боевые заслуги («Медаль за 3-5 августа 1943 года»). И мы нашли описание того, что же произошло.

В мае 2009 года мы получили этот документ, и в нем написано, что «Командира пулеметного расчета 2 пулеметной роты, сержанта – Смирнова, Петра Федоровича за то, что он в бою за отметку 19,5, 3-5 Августа 1943 года, в период нашего наступления, огнем своего пулемета обеспечил наступление наших стрелковых подразделений. В одну из ночных контратак противника, сорвал замыслы врага, умело и мужественно, ведя огонь по наступающему врагу. Вместе с бойцами пошел в контр-атаку и обеспечил продвижение подразделения вперед». (Орфография и пунктуация сохранены, текст в оригинале на фото).

Представление к награждению

Это достаточно старый документ, уже плохо пропечатана информация, но, тем не менее, прочитать удалось.

После этого мы узнали, что прадедушка был ранен. После прорыва блокады Ленинграда, в той самой операции «Искра» 7 февраля прадедушка был ранен осколком мины и попал в город Ленинград в госпиталь. После этого он был отправлен в другой полк. И дальше нам удалось найти только то, что моего прадедушку Петю направили на фронт, куда-то в сторону Пскова. И это было уже в 1944 году. И известно, что прадедушка участвовал в снятии блокады Ленинграда в феврале 1944 года.

Мемориал «Невский пяточок» в Ленинградской области

Что же касается нас, то 10 лет назад мы (наша семья) еще этого не знали. И, тем не менее, дачу мы купили недалеко от Синявинских высот, на платформе 45-й километр, недалеко от города МГА. И каждый раз, когда мы ездим на дачу на машине, мы видим мемориал «Невский пяточок», мемориал «Синявинские высоты», и каждый раз не получается не думать о прадедушке, т.к. мы знаем, что он воевал здесь. Мы знаем, что он освобождал нас, чтобы у нас была мирная жизнь. И за это я ему всю жизнь буду благодарна.

Зыкова Тамара Александровна, 2020 г.

Семья Лазаревых

Меня зовут Татьяна Кулёмина. Я родилась в 1957 году, поэтому войну и блокаду я знаю со слов своих старших родственников: бабушки, мамы, тети, дяди. Тогда, когда я была совсем маленькая, мне война казалось очень-очень далеким событием. В этом году исполняется 75 лет со дня великой Победы. Ни осталось никого из моих самых близких и родных, но я не могу не вспоминать о них. У нас (в моей семье) сохранились фотографии, но они, к сожалению, либо довоенные, либо послевоенные. Военных фотографий у нас нет. И вот самая такая интересная фотография – это фотография 1927 года, когда бабушка и дедушка только-только поженились.

Александра и Лука Лазаревы (слева), г. Ленинград, 1927 г.

И дело было в том, что моя бабушка была на 21 год моложе моего дедушки. А дедушка к тому моменту был 40-летним человеком, прошедшим Первую мировую войну, трижды Георгиевским кавалером, о чем я узнала только сама, сейчас, в наше время, работая в архиве. Бабушка никогда ни слова не сказала о таких замечательных ратных подвигах моего дедушки – Луки Ивановича Лазарева.

Дедушка погиб в блокаду. В блокаду погибли очень многие мои родственники. И все они похоронены на Шуваловском кладбище. 27-го января этого года (2020 г.) я посетила это кладбище. К сожалению, могил там не осталось. Но я почувствовала, что они там: я молилась, я принесла им цветы...

Первым из семьи умер дедушка: 22 января 1942 года. За ним ушла прабабушка, бабушкина сестра и другие... И стало совсем плохо. У нас в семье дома была пальма. И бабушка стала варить щи и добавлять туда листья этой пальмы. Со временем пальма стала лысая. Мама в своих воспоминаниях, рассказывает, о том, что щи из этой пальмы были совсем невкусные. И даже на фоне всего этого недоедания – эти щи кушать совсем не хотелось. Бабушка ходила по окрестным полям, собирала крахмалики (это мелкая мороженая гнилая картошка, которая оставалась на полях). Крахмалики она выкладывала на сковородку, перемалывала. Таким образом, хоть что-то делала для своих детей.

Как рассказывала мама, бабушка была как волчица, которая везде бегала и добывала корм своим «волчатам». Но только поэтому они остались живы. Они – трое детей, в ужасную блокадную зиму 1941-1942 года.

Перед войной наша семья переселилась на Поклонную гору, в Озерки. Их полдома стояли как раз возле станции метро Озерки. Адрес был такой: Выборгское шоссе 16а. В общем-то, это была мечта многих семей с детьми иметь полдома где-то в пригороде, с небольшим приусадебным участком. И вот мои родственники тоже решили приобрести такой небольшой домик.

Моя мама вспоминала о жизни довоенной как о райской жизни. Потому что был дом на берегу Суздальского озера, были какие-то небольшие кусты... клубника, ягоды... и все были счастливы. И они мчались под гору к Суздальскому озеру купаться по песчаному косогору среди сосен. Вот такая была счастливая довоенная жизнь. Но... началась война. И они вот в этом доме. И этот дом спас их от голодной смерти. Потому что в доме постоянно трудами моей бабушки – Лазаревой Александры Александровны топились плиты, что-то постоянно варилось, было тепло, был кипяток и поэтому они остались живы. Моя абсолютно самоотверженная бабушка не дала своим трем детям умереть во время блокады.

Вопрос об эвакуации семьи Лазаревых стал ребром весной 1942 года. Когда пришла весна, стало гораздо легче, потому что собирали лебеду. Бабушка собирала мешки с лебедой. Она крутила их в мясорубке, делала из них котлеты. Но от этой лебеды глаза стали похожи на щёлки. Они все распухли. Тетя ходила на костылях, хотя ей было всего 14-15 лет. Совсем все стало плохо...

Надо еще сказать о том, что в семью бабушки к трем детям постоянно приходила врач-педиатр и моя бабушка в своих воспоминаниях писала, как она была ей благодарна, этому врачу. Она постоянно давала какие-то советы – как уберечь детей от голода и от неминуемой смерти. Бабушка сумела это сделать. И эвакуировались они 22 августа 1942 года по Ладоге на катере. Они приехали на другой берег Ладоги. Их посадили в эшелоны и тогда им дали очень много еды. Это была пшенная каша в котелках, на которой стояло очень большое количество растительного масла. «С палец» – как говорила бабушка. Как ее учила педиатр, моя бабушка сливала это растительное масло и не давала детям много есть. Все женщины в теплушке шикали на нее и говорили, что она не мать, а «ехидна». Что она не дает детям есть. А

она и не давала. Потому что врач-педиатр ей сказала: «Насколько медленно вытекала жизнь из твоих детей, настолько медленно она должна и втекать обратно». То есть не давать им много есть сразу. Те, которые много и жадно ели, они остались там... По дороге жизни, точнее по дороге смерти...

Главным «летописцем» нашей семьи была моя мама – Мария Лукинична Лазарева. Она писала о нашей семье. Она создала наше фамильное семейное древо.

Фрагмент родословного древа семьи Лазаревых

Она переписывалась и добывала всякие материалы о нашей семье у наших родственников во всех городах: в Саранске, в Тамбове, в Кронштадте, и все ей присылали. И на основе этих записей и этих писем она составляла свои воспоминания. Потом написала свои воспоминания и моя бабушка. Они были очень интересные. А потом это переняла и я. Когда моей мамочки не стало, я все ее воспоминания перевела в электронный вид (перепечатала). Все мои родственники младшие – мои сыновья и т.д., они получили эти воспоминания, потому что я это все распечатала.

Я сейчас тоже веду летопись нашей семьи. Тоже записываю. Пишу о своей жизни, о жизни в условиях (например, перестройки). И вот вплоть до сегодняшнего дня я все это описываю. В том числе описываю свое детство, но не глазами, допустим, моей мамы, моей бабушки, а – своими, что я видела. И это уже как-то по-другому смотрится. Например, мои сыновья помнят не те, моменты, о которых я рассказываю на наших семейных праздниках.

Моя мама начала вести свои дневники в 1950-1951 годах. Конечно, во время войны она дневников не вела, потому что, видимо, была все-таки мала для этого. А вот в 1950-м году, с началом ее деятельности как топографа, она стала вести дневник и назвала его «Дневник топографа».

Дневник топографа и фото мамы

Это абсолютно уникальная вещь: когда она описывает, она ходит по нашей замечательной стране. Это послевоенные годы. Это Белоруссия, это Калининская область. И она пишет об этой земле, о нашей Родине, которая пережила только-только войну, начала «оправляться»

после этой войны. И вот моя мама обо всем об этом пишет. Это абсолютно уникальный дневник, который я, конечно, тоже со временем переведу в электронный вид, снабжу фотографиями. И обязательно это будет летопись нашей семьи.

Кулёмина Татьяна Владимировна, 2020 г.

Воспоминания Ольги Николаевны Зотовой об отце Николае Николаевиче Мазовка

Мазовка Николай Николаевич, 1940 г.

Мой отец, Мазовка Николай Николаевич (27.11.1920 – 04.10.1991), родился в селе Дукора Минской области, в Белоруссии, в многодетной семье. У него было 4 сестры и 3 брата. С отличием окончил сельскую школу и поехал в Ленинград учиться на врача.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Б С С Р
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ
АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Мазовке Николаю
Николаевичу (Фамилия, имя и отчество) РОДИВШЕ март В 1920 ГОДУ,
В ТОМ, ЧТО он ОБУЧАЛ СЯ В Дукорской СРЕДНЕЙ
ШКОЛЕ и. Дукора Дукорского ГОС.
Руденского района (района) Минской (области) обл., ОКОНЧИЛ
ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛ ПРИ отличном
ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

ПО БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ	<u>отлично</u>
ПО БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	<u>отлично</u>
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	<u>отлично</u>
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	<u>отлично</u>
ПО АРИФМЕТИКЕ	<u>отлично</u>
ПО АЛГЕБРЕ	<u>отлично</u>
ПО ГЕОМЕТРИИ	<u>отлично</u>
ПО ТРИГОНОМЕТРИИ	<u>отлично</u>
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ	<u>отлично</u>
ПО ИСТОРИИ	<u>отлично</u>
ПО КОНСТИТУЦИИ ССР	<u>отлично</u>
ПО ГЕОГРАФИИ	<u>отлично</u>
ПО ФИЗИКЕ	<u>отлично</u>
ПО ХИМИИ	<u>отлично</u>
ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ	<u>отлично</u>
ПО АСТРОНОМИИ	<u>отлично</u>
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (немецкому)	<u>отлично</u>
ПО РИСОВАНИЮ	<u>отлично</u>
ПО ЧЕРЧЕНИЮ	<u>отлично</u>
ПО ВОЕННЫМ ЗАНЯТИЯМ	<u>отлично</u>
ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ	<u>отлично</u>

НА ОСНОВАНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ССР
И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б) ОТ 3/IX 1935 г. Мазовка
Николай Николаевич (Фамилия, имя и отчество)
ПОЛЬЗУЕТСЯ ПРАВОМ ПОСТУПЛЕНИЯ В ВЫСШУЮ ШКОЛУ БЕЗ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ
ЭКЗАМЕНОВ.

1 - июля 1939 г.
№ 156

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ Ворожобин
Зав. уч. частью Горбачев

Аттестат об окончании школы, 1939 г.

Ему было 17 лет, когда поступил на 1 курс Ленинградского медицинского института. А в ноябре был призван в Красную Армию: участвовал в Финской компании 1939-1940 гг. в должности солдата-пулеметчика. Служил в Карелии. Отец рассказывал, как учили их прятаться в снегу и ходить в белых камуфляжах. Он хорошо бегал на лыжах и стрелял. И когда мы с сест-

рой были маленькими, он учил нас правильно ходить на лыжах вдоль берега Волги в городе Тверь (тогда г. Калинин), где мы жили.

После финской войны отец восстановился в институте (это была уже Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова). Сколько же было в нем сил и желания учиться! 19-летний парень жил один, без семьи, в общежитии и стремился к цели – стать врачом! Отучился год и летом 1941 года обучение опять прервалось – началась Великая Отечественная война. С первых дней войны и до дня Победы отец воевал. Был санитарным инструктором стрелковой роты. Помогал выносить бойцов с поля боя и лечил людей.

Отец в начале войны защищал Ленинград. В его послужном списке упоминаются Красное село, Рыбацкое, Пушкин, Колпино, Невская Дубровка. 26 сентября 1942 года получил тяжелую контузию головы от разрыва мины, находился в эвакуационном госпитале № 2015 на улице Восстания, дом 8. Госпиталь был расположен в здании школы № 4 (сейчас гимназия № 209 Центрального района Санкт-Петербурга). В гимназии бережно хранят память о тех тяжелых днях: в музее истории гимназии, и в воспоминаниях ветеранов, и в проведении экскурсий для учащихся. Через месяц, как тяжелораненый, переправлен через Ладожское озеро в г. Грязовец Вологодской области на лечение.

В течении войны мой отец был ранен 3 раза. Помимо контузии, схватил 3 легких осколочных ранения в обе ноги в 1942, 1944, 1945 гг. Первое ранение – очень тяжелое, отец оглох, ему трудно было ходить. Но он помнит грохот и молоденького солдата, который после взрыва артиллерийского снаряда, вытащил его, раненого и контуженого с поля боя.

Воевал на Ленинградском, Западном и 3-м Белорусском фронтах. Участвовал в крупных боях под Ленинградом в 1942, под Оршей в 1943, под Витебском в 1944, в Восточной Пруссии в 1945.

Чтобы запомнить, оставить в памяти, отец составил хронологический список дат, названий частей и местностей, где он воевал. Назвал его «Мой путь».

<u>Мои годы.</u>			
1939 ₂	1 ^й ММ 2 ^й ЗНН	1. IX. 22. XI.	Ленинград
1940 ₂	В. М. А. им. Купцова 2 ^й Зен. П. П.	13. VII. 31. VIII.	Ленинград
1941 ₂	2 ^й ОЗМБ 506 ПП з. 413	20. VIII.	Краиное село, село Рубачковское Пушкино, Колотинское Илевская дубровка и др.
1942 ₂	ЭГ-2015 з. 783 ЭГ-37-34 з. 252	26. IX. 22. X.	Л-г. Восстания, 10. Эвакуация уез. Лад. озера в з. Ершовск
1943 ₂	135 ОВСБ 173 ОД	26. I 26. III. 22. V.	Кичиуба, Вологод. обл. Митинцы, Москва Ржев.
1944 ₂	ГЛР 2631 ГЛР 2668 ГЛР 4421 ГЛР 545 144 ОД 144 ОД, 4-го д. 449 сп. Дср	21. III. 22. IV. 22. VI. 22. VII. 8. X. 17. X. 22. XI.	М. Ленинград Мешок под Витебском Мозоль Смоленск Каунас Литва, Шлауны Эдкуркен-Кибартай, Вост. Пруссия Вост. Пруссия. Утрачен
1945 ₂	СЭГ-290 СЭГ-23-86 11 армия 312 ОД 952 ОД	15. I. 26. I. 18. IV. 22. IV.	Вост. Пруссия. Кеттенгау Каунас На Гиллау.
1945		22. XI.	г. Дукора Мазовка А.

<u>Адреса войны</u>			Дата
3)	ГЛР № 2631	ПП 66418	23.3.44 ₂
4)	ГЛР № 2668	ПП 53791	22.4.44 ₂
5)	ГЛР № 4421	ПП 57279-А	22.4.44 ₂
6)	ГЛР № 545	ПП 14078-А	22.4.44 ₂
7)	СЭ 144	ПП 14041-К	8.X.44 ₂
8)	МСБ 805	ПП 01892	14.1.45 ₂
9)	СЭ 173	ПП 41153 б	22.5.43
10)	МСБ № 882	ПП 47937	21.3.44
11)	СП 449	ПП 14173	22.XI.44
12)	СЭГ № 290	ПП 43177 ЭП	15.1.45
13)	СЭГ № 2386	ПП 81025-Е	28.1.45
14)	ГСЭ 31	ПП 06491-4	18.4.45
15)	ГСЭ 31	ПП 61897-4	

ЭГ № 2015 Могилев, часть 483.
 ПП 506, часть 413 (203175)
 ЭГ № 3734, часть 252, Волгодонск, Грессовск

Хронологический список «Мой путь» и адреса войны Н. Мазовка

Так, можно увидеть, что он несколько раз лежал в госпиталях для легкораненых (ГЛР под номерами 2631, 2668, 4421, 545 и др.), в сортировочных эвакуационных госпиталях (СЭГ № 290, 2386 и др.), служил в 173-й, 144-й стрелковой дивизии. Упоминаются в его документе Мытищи, Москва, Ржев, пишет про «мешок под Витебском», Смоленск, Каунас, Шауляй (Литва), Эйдкунен, Кибартай, Кеттенау, Пиллау (Восточная Пруссия). Сейчас эти населенные пункты расположены в Литве и Калининградской области России.

Отец награжден двумя медалями «За отвагу».

Медали «За отвагу»

В первой отмечено: «...наградить санинструктора санитарной роты старшину Мазовка Н.Н. В период с 1 по 8 января 1944 г. в боях за населенный пункт Николаевка Витебской области вынес с поля боя 42 тяжелораненых и обеспечил своевременную эвакуацию раненых с переднего края...»

Он награжден медалью «За боевые заслуги», 26.12.1944 г. «...за неоднократное участие в боях с немецкими захватчиками и проявленную им личную храбрость и отвагу...». В наградном листе написали: «Старшина м/службы Мазовка Николай Николаевич будучи сан. инструктором 95 гв. стрелкового полка 31 гв. ст. дивизии 3-го Белорусского фронта. Принимал активное участие против немецких захватчиков с 22 июня 1941 года по 13 января 1945 года и в бою под Невской Дубровкой на Ленинградском фронте получил легкое ранение. Множественное осколочное ранение правой ягодицы. 21 марта 1944 года в бою под городом Витебск получил легкое ранение левой голени. 13.01.1945 г. – осколочное пулевое ранение правой голени в бою под г. Шталлупенен, Восточная Пруссия. За участие на фронте Отечественной войны и полученное тяжелое ранение достоин награждения медали «За боевые заслуги».

Впоследствии так же награждён медалями «За победу над Германией», 1945 год, «За оборону Ленинграда», 1947 год.

Медаль «За оборону Ленинграда»

Демобилизован был отец по ранениям в ноябре 1945 года. В 1946 году, 26-летним студентом, опять приступил к учебе в 1 Ленинградском медицинском институте, закончил его с отличием в 1952 году по специальности врач-лечебник.

Учеба в институте, 1949 г.

Имеет 32 опубликованные научные работы по вопросам индивидуальной дозиметрии и защиты при работе с источниками ионизирующих излучений, энзимопатологии и изменений периферической крови при лучевой терапии. Работал в Центральном НИИ рентгено-радиологического института МЗ СССР (г. Ленинград), Калининском государственном медицинском институте. Это направление в медицине только начиналось развиваться, и отец стоял у его истоков. Закончил аспирантуру. Был врачом-преподавателем.

Преподавание в Калининском государственном медицинском институте

Воспитал двух дочерей: Викторию и Ольгу.

Город Ленинград стал для него родным и близким. Здесь были друзья по учебе, родные места, места боев. Когда приезжали в Ленинград, всегда водил нас, дочерей, на Пискаревское кладбище. Говорил: «Здесь лежат наши ребята, с которыми мы были вместе». Всю жизнь бережно относился к хлебу. Говорил, что в доме всегда должен быть хлеб, хоть половина буханки. В 90-е годы тяжело воспринимал частое отсутствие хлеба дома.

Долгое время в Калининне мы жили в коммунальной квартире, в одной комнате. Поэтому помню, что отец часто во сне плакал, даже кричал ночами. После войны трудно восстанавливалась психика. Ему очень долго снились бои.

Ранения на теле отца навсегда оставили память о войне. Он был очень веселым человеком и любил жизнь и людей.

Зотова Ольга Николаевна, 2020 г.

Воспоминания Смирновой Веры Петровны (род. 1932 г.)

Мама моя, Ольга Васильевна Крюкова, в 1910 году родилась в предместье Петербурга, семья жила в районе Ржевской площади. Отец, Пётр Дмитриевич Дмитриев, 1902 г. рождения, выходец со Псковщины, был кадровым военным, перед войной служил на Ржевском полигоне. На Ржевке, в клубе, устраивались танцы, там они и познакомились, поженились в 1926 г. Родилось у них три дочери.

Пётр Дмитриевич и Ольга Васильевна Дмитриевы, 1946 г.

Война застала нашу семью в Териоках (до 1948 г. так назывался Зеленогорск), где служил отец. Над нами часто пролетали самолеты, но не бомбили. Предполагали, что это были финские летчики, которые не хотели разрушать еще недавно принадлежавшие им дома. Фронт приближался – уже с передовой прибегали лошади без всадников, вероятно, убитых. Мы боялись прихода финнов, про которых говорили, что они зверствуют на своих бывших территориях.

В августе, наконец, началась эвакуация. Отец остался, для семей военных был подан товарный состав, и наша 30-летняя мамочка с четырьмя детьми (младшей Лиле было 2 года, мне 9 лет, Вале – 12, и была с нами племянница Лида, маму которой эвакуировали вместе с заводом) и престарелой бабушкой отправились в Горьковскую область. По дороге, не помню где, поезд бомбили. Машинист стал подавать тревожные гудки, которые мне запомнились на всю жизнь, настолько они были страшными и пронзительными. Вдоль вагонов пробежал человек с криком: «Все из вагонов в лес!» Мама сказала: «Будь, что будет – нам до леса не добежать...» И мы остались в вагоне. Бабушка все время молилась. Слава Богу, нас не разбомбили, и мы благополучно приехали на станцию Шахунья.

На подводах нас привезли в деревню Ерши. Колхозники встретили недружелюбно, не хотели пускать в свои дома. Председатель колхоза бегал по избам и ругался. Помню, шел

дождь, и мы долго ждали. Наконец, нас расселили. Все-таки русский человек – самый хороший человек на свете – он жалостлив и сердоболен. Мы нашли у своих хозяев и приют, и понимание.

Я и две мои сестры должны были пойти в школу, но скоро наступили холода, не хватало валенок, и мы ходили в школу по очереди. И хоть мы много пропускали уроков – на второй год никого не оставили.

В колхозе мы помогали в уборке урожая, копали картошку и собирали лен. Чтобы как-то себя поддержать – выменивали на хлеб свои вещи.

В одну из зим случилась беда – мама и бабушка заболели сыпным тифом. Их увезли в районную больницу. Мама выжила, бабушка умерла. Перед смертью она молилась и просила у Бога не забирать у детей мать. И Бог ее услышал!

В 1941 году отца тяжело ранило. Его долго лечили, после госпиталя отправили на службу в Ташкент. Оттуда, в 1944 году, он и разыскал нас. Мы все поехали к нему. Ехали очень долго, вагоны были переполнены, кругом грязь, духота. Как-то раз я отвернула рукав платья и увидела цепочку из вшей. Ужас, никогда этого не забуду!

В Ташкенте нас вывозили на поля собирать хлопок, а узбеки в больших чанах делали нам плов, очень вкусный! Потом у меня заболела нога, и я совсем не смогла на нее наступать. Оказалось – туберкулез костей. Меня отправили в санаторий. Почему-то несколько дней я с другими ребятами лежала на улице (наверно, не было мест в палатах), а вокруг росли грецкие орехи. После лечения я долго ходила на костылях в школу и меня никогда не вызывали отвечать к доске, что мне очень нравилось.

После Ташкента отца назначили командиром батальона по охране железных дорог в город Коканд, а затем перевели на станцию Урсатьевская, где мы и встретили Победу. Отца демобилизовали в 1947 году, и мы поехали в Ленинград. Еще помню, как меня перед отъездом вызвал директор школы и с восхищением говорил о нашем городе. Действительно, Ленинград того стоит!

Ольга Васильевна с дочками (Вера, Лиля, Валя) в Ленинграде, 1950 г.

В 2020 году я получила общественную награду – медаль «Дети войны». На ней изображена девочка со снопом и мальчик у станка. Очень верно – так все и было! Все работали, не ленились, и дай Бог, чтобы нашим потомкам не пришлось испытать ничего подобного.

Смирнова Вера Петровна, 2020 г.

Фрагмент книги воспоминаний Евсеевой Веры Андреевны

<...>

Мое благополучное возвращение с "того света" после довоенной скарлатины можно назвать началом моей второй по счету жизни, в которую вошли и первая, самая страшная голодная зима ленинградской блокады, и эвакуация на Большую землю по Дороге жизни, когда лед Ладоги проседал под колесами машин, везших нас, и они ехали по втулку в воде, и смерть моего старшего брата в эвакуационном "телячьем" вагоне у нас с Ксаной на глазах.

Наверное, это была самая страшная из моих жизней, хотя она была, пожалуй, самой короткой.

Что я помню из этого времени? Помню вечера с копилкой, когда мы ждали папу с работы – он приносил из рабочей столовой "поскребышки" (это когда перед мытьем котлов выскребывали со дна пригоревшую еду, если она не была жидкой). Получал он это по справке от администрации, так как у него была большая семья. Парадная у нас была на пружине, поэтому дверь не хлопала. Но нам казалось, что за папой она хлопала как-то особо, и мы тогда начинали считать вслух ступени, по которым он поднимался на 4 этаж, соревновались в угадывании точного момента, когда раздастся стук в дверь (электричества уже не было).

В блокадном Ленинграде шла обязательная эвакуация семей с детьми. Днем 13 марта нам сообщили об этом, вычеркнув из списков умершего накануне папу. Уже в 6 часов утра за нами должна прийти машина. На сборы вечер и ночь.

...От голода кружится голова, двигаться нет сил: слабость. В комнате ледник – все что можно было сжечь, давно сожжено. Кажется, что прозяб насквозь и никакой надежды согреться. У Толи кровавый голодный понос: он еле поднимается с кровати, я – пятилетняя, пошла отovarивать продовольственные карточки, а точнее, стоять в очереди, чтобы получить последний паек на завтра, на дорогу – 125 грамм на человека, то есть 625 грамм по пяти иждивенческим карточкам. Ксана, старшая сестра, храбрится, пытается помогать маме собраться. Я тоже кручусь под ногами, раздражая вопросами – от меня толку мало. Еще ничто не собрано. А в 6 утра будет машина – последняя надежда на жизнь.

Первое, что мама с Толей пытались упаковать, обмотав мягким, были две зингеровские швейные машинки. Одна бабушкина, другая – мамина, новенькая. Это они потом в Пятигорске спасут нас, когда мама будет шить лифчики на продажу на толкучке. А 14 марта 1942 года рано утром Толя будет сталкивать их с лестничных площадок ногами и они будут кувырком лететь со ступенек по пролетам парадной, а за ними обессиленный Толя также спустит с 4 этажа чемоданы и мешки. В чемодан мама положила одежду, в мешки, теплые вещи и одеяло. Ксана зашивала мешки. Но главная для мамы была большая корзина с кастрюлями, миской и сковородкой, потому, что для истощенного голодом сознания главным была еда, только одна мечта – сварить детям еду там, где будет из чего варить.

А вот о заветном ящике в буфете, где в коробке лежали все документы – папина трудовая книжка, пачки облигаций, на которые рассчитывали, как на обещанное НЗ после войны, и все семейные фотографии, а вне важной коробки еще и мамин золотой кулон, пара сережек и одно золотое колечко, да таинственный, всеми любимый пакет в бумажной обертке, – об этом ящике в буфете забыли начисто, вынимая посуду из нижнего отсека буфета.

Сколько раз мы будем потом в эвакуации, в будущие далеко нерадостные дни, вспоминать про эту нашу забывчивость, сколько раз и мама, и Валя услышат в учреждениях отказное "нет", потому что не смогут представить ни одного требуемого документа. До последнего дня своей жизни мама останется без пенсии за погибшего кормильца. Так как все бумажное содер-

жимое той коробки с документами (кроме облигаций, конечно), просто вытряхнут на помойку или сожгут в буржуйке те, кто поселится позже в нашей квартире. А дубли нужных документов по месту работы папы сторгят во время бомбежки того здания. И никогда мы больше не сможем увидеть, как выглядела мама в молодости, как хорошо смотрелись вместе папа и мама на свадебной фотографии. Или какими были Толя и Валя в школе и выпускном классе. Все фотографии пропали. Чудом уцелел только папин портрет в молодости, папин пропуск на работу и толин студенческий билет с маленькой фотографией. Эти три вещи сохранила для нас соседка, видно они выпали, когда выносили мусор после нашего отъезда из квартиры, а она их подобрала, веря, что мы вернемся после эвакуации.

Утром нас погрузили в грузовую крытую полуторку. Я сидела в кабине на коленях у мамы. Еще едва светало. Когда машина поворачивала к Загородному, я оглянулась на дом и почему-то четко назвала дату: "Сегодня 14 марта. До свидания, дом!" Впереди нас ждал путь на большую землю. И самый страшный и опасный его отрезок – переезд на другой берег Ладоги. Было темно, даже скорее серо-темно, потому, что я видела людей, набившихся с нами в открытый кузов старенькой машины с квадратной деревянной кабиной. Весь пол кузова был завален вещами пассажиров. Женщины пытались пристроить детей на тюках и чемоданах, между вещами, взрослые ехали, скорчившись, держась за борта. Было очень холодно, ледяной ветер резал лицо, выбивая из глаз слезы, мокрые щеки тут же лубенели.

Мы уже были недалеко от другого берега. Низкое, затянутое клочьями туч небо вдруг начали прорезать тугие лучи прожекторов. Когда луч скользил по машине, все пытались спрятаться от него, втягивали головы в плечи: все знали, если шарят прожектора, быть воздушному налету.

Впереди глухо ухнуло. Машина остановилась. Шофер открыл дверцу и, стоя на ступеньке, заглянул через борт в кузов: "Вылезайте!" – скомандовал он, перекидывая ногу через переднюю стенку борта. "Дальше пешком!"

Помогая друг другу, люди спрыгивали в снежную кашу. Шофер начал разгружать машину. Он поднимал в воздух узлы и чемоданы и кричал столпившимся внизу женщинам: "Чё? Чей чемодан?". Люди испуганно смотрели слезившимися от ветра глазами и не узнавали своих вещей. Если вопрос оставался без ответа, водитель отбрасывал тюк в сторону и поднимал следующий.

Из своих вещей мы узнали только две швейные машинки и два тюка.

– А мы? – выдохнула толпа.

– Дальше пешком. Дойдете. Ну не могу я дальше ехать: и вас погублю, и машину! Только держитесь правее, подальше от пробоины, – он захлопнул дверцу и нажал на газ.

Все огляделись. Метрах в 20 от нас, почти у берега, стояли люди спиной к земле, а между нами и ними во льду светилась дыра, светилась, потому, что свет из нее уползал вниз под лед.

– Мама, а почему свет? Почему свет подо льдом?

– Так это фары, их еще не залило, – вместо матери сказал какой-то дедушка хрипло.

Причитая и охая, люди стали разбирать свои вещи, о куче бесхозных вещей никто так и не вспомнил, она так и осталась чернеть на снегу. Шли медленно, молча, по колено в снегу, и, вспоминая совет нашего шофера, старались держаться правее, подальше от страшного места.

Мы выбрались.

На берегу, на заново проложенной временной ветке, людей ждали несколько нормальных вагончиков. Нас погрузили, застывших, полуобледеневших, с мокрыми до колен и выше ногами. Толя набрал снежного крошева в высокие валенки. Откуда-то (потом я узнала, что это называется "эвакопункт", там для подъезжающих с Ладоги готовили горячую еду и кипяток) принесли кашу горячую-горячую и кипяток в большой кружке. Кашу разделили на всех, ели, прикрыв глаза, и не верили, что едим, пили обжигающий кипяток.

...Мы проснулись от шума. Поезд стоял на какой-то станции. Дверь откатила: из нее ужасно дуло. Все "население" вагона стояло у того места, где спал Толя. Он не спал – он был мертв.

...

Состав дернуло, лязгнули буфера, снова застучали на стыках колеса... Нас увозили в будущее. Наш Толя остался один, на грязном снегу железнодорожной станции Бабаево. Название станции я узнала уже намного позже, через пять лет после войны.

Всю свою жизнь я ношу в себе тяжкое воспоминание о том страшном дне 17 марта 1942 года. Могли ли мы что-то изменить тогда? Мы – трое девочек и почти потерявшая от горя и голода рассудок женщина.

...Всё. Конечная станция Пятигорск. Дверь откатили. Мы, опираясь на протянутые руки встречавших, неловко (ноги плохо держали) спрыгивали на землю и сразу зажмурились от яркого солнца, вмиг ослеплявшего нас после полумрака вагона.

«Ленинградские», – раздавалось вокруг, а потом сочувственные вздохи и сокрушенное покачивание головой.

<...>

До 1947 года мы жили на многонациональном Кавказе среди армян, грузин, азербайджанцев, казаков, аварцев, ингушей, греков и русских. И все они были для нас добрыми соседями, готовыми поделиться с нами последним. Мы тоже помогали им и советами и делами, и делали это доброжелательно и радушно, как умели это делать ленинградцы. Мы считались с местными обычаями, уважали и их традиции. Наверное, и они учились чему-то у нас.

Вероятно, через своё уважение к нам эвакуированным ленинградцам они выражали своё и уважение к нашему Великому городу, и восхищение стойкостью и мужеством его жителей. Я думаю, что подспудно мы понимали это, и все эти годы никто не слышал от нас ни нытья, ни жалоб на жизнь и трудности в непривычной для нас обстановке. Мы держали ленинградскую марку.

В начале мая в первый день приезда в овцеводческий совхоз № 17 мы увидели далеко отстоящие друг от друга домики с палисадниками, а за ними длинные саманные строения – совхозные кошары – помещение для овец. А вокруг, насколько хватал глаз, ровная зелёная в мае степь под палящим солнцем. И там, в совхозе, как и в Пятигорске, нас окружили теплом и заботой. Нам выделили пустовавшую хатку на окраине поселка с печкой-плитой. Маму поставили заведующей вновь открывшегося детского сада, старшую сестру – помощницей воспитателя, а меня воспитанницей. Валю назначили землемером с зарплатой. А в свободные дни она получила рабочий наряд на подобную работу на совхозную пасеку. Вот там зарплату давали мёдом! Естественно, мы не успевали съесть её медовую зарплату и сливали остатки в глиняный горшок, стоящий у плиты. Иногда в запарке на кошаре и Валю приглашали помогать стричь овец. Вряд ли кто поверит сегодня, что нам выписывали по целому барану за день, предварительно научив, как разделявать туши. Можно себе представить как все это: жгучее солнце и степной воздух, – воспринимались нашими измученными голодом телами. От маминых цинготных язв остались только круглые темные пятна. Мы сестрами пошли в рост, но больше всех расцвела Валя: она превратилась в красавицу с загорелым лицом, яркими синими глазами и волной волос, крупными волнами сбегавших ей на загорелые плечи.

Лето подходило к концу, но всё ещё было жарко.

– Смотри, Валя, что это? – спросила я, оглядываюсь степную даль.

– Где?

– Да вон там, далеко, – я ткнула пальцем в степной горизонт. – Это что, облака так низко? Да нет же, посмотри, Валя!

Это пыль почему-то катится по степи, почти до неба достаёт! А впереди неё бегут чёрные точки.

Сестра сощурила глаза, вглядываясь в направлении, куда указывала моя рука. За окном мы услышали сначала тихий рокочущий гул. Теперь он нарастал, приближаясь.

– Валька, смотри, это танки! только какие-то странные, тупорылые и серые.

– Немцы! – крикнула Валя, рванув к нашему окну. – Мама, мама! Немецкие танки! Уже близко!

Мама и Валя заметались по комнате, не знаю, за что хвататься.

Вдруг мама замерла, измерив Вальку взглядом с ног до головы, резко наклонилась и дернула вверх за кольцо крышку погребка.

– Быстро вниз, Валентина!

– Сидеть! – крикнула мама тонким, совершенно не свойственным ей голосом, – Сидеть и не шевелиться! Захочешь пить, там компот в бидоне стынет.

А через час-полтора по ступенькам нашего крыльца тяжело застучали армейские шнурованные ботинки, и дверь в комнату распахнулась. На пороге стояли два немецких солдата. Оба не высокие, но крепкие, один с белесыми волосами и бровями, другой рыжий. У рыжего пилотка съехала на затылок, рукава засучены до локтей.

– Матка, курка, яйка! – зычно скомандовал белесый, подступая к маме.

Она шагнула ему навстречу, ставь посреди половика, и, сделав удивлённое лицо, развела руки ладонями вверх, и прижав локти к бокам, как бы говоря этим жестом: "Ну вот, видишь, нету, пусто", – и свой жест подкрепила словами:

– Какие яйца у нас, кур-то нет, не держим. Вон посмотрите сами в сарае! – она кивнула на дверь.

Рыжий тем временем бочком продвигался к печному заколабку, задернутому цветной занавеской. Он протянул к глиняному горшку с мёдом руки, схватил его, но поднять не смог, только потащил его ближе к краю, чтобы взглянуть внутрь, а потом быстро сунул палец в то, что увидел в почти полном горшке. Посмотрел на палец, лизнул: "Мооод!" – и тщательно облизал палец.

На юге быстро темнеет. За наглухо закрытым теперь окном сгустилась чернота южной ночи.

Валя всё ещё сидела в подвале. Мне было её жалко: я бы не выдержала столько в темноте – мало ли кто там под полом. Мама тоже не спала: она сидела за столом, уронив голову на руки. Вдруг снаружи мы услышали шорох. Все напряглись. И тут кто-то стал тихонько постукивать в окно.

Мама подошла, шепотом спросила: – Кто тут?

– Откройте окно,-велел мальчишеский голос.

Наверное, если бы за окном был взрослый, мама побоялась бы открыть. Это оказался сын директора совхоза. Мальчик был невысокого роста, и мама прилегла на подоконник к нему, а он почти припав к земле, взволнованно зашептал:

– Батя приказал вам собираться. Он услышал, как два офицера, два немца говорили между собой, что утром семьи коммунистов и ленинградских будут вешать. Батя немецкий ещё со школы помнит, потому и понял. Он говорит, уходить надо скорее, прямо сейчас. Много не берите, только самое нужное. В деревне патрули, еле пробрался к вам огородами. Батя сказал, идите полем до развилки, потом направо и прямо. Недалеко это. Мы там будем вас ждать. Только скажите детям, чтобы молчали всю дорогу! – и он, присев на корточки, шмыгнув в поле и исчез в темноте.

Мама даже спасибо не успела ему сказать.

Представляете, как мы спешили, собираясь. Чтобы не нести ничего, побольше надели на себя и взяли только те две злополучные зингеровские машинки. Семья директора и ещё несколько активистов совхоза ждали нас недалеко от развилки.

Мама, запинаясь от волнения, попыталась поблагодарить директора за предупреждение: он ведь сыном рисковал, посылая его ночью. Тот не стал её слушать.

– Да будет тебе! Ну, пошли что-ли... – остановил он её, почему-то перейдя на казачий говор.

Мы шли всю ночь, на всякий случай обходя соседнюю станицу, хотя знали что немцев там ещё нет.

Только через несколько дней мы добрались до Пятигорска.

<...>

...1947 год. Я возвратилась из эвакуации в родной город. Осенью начались Ленинградские школьные будни. Меня определили в 5 «А» класс 312 средней школы на Малодетское сельском проспекте д. 23. Это была та же школа, в которой до войны учились и Толя, и Валя, и Ксана (брат и сестры), только теперь обучение было раздельное, 312 школа после войны стала «девчачьей».

Порядки в Ленинградской школе были гораздо строже, чем в Пятигорской, где я училась в эвакуации, и мои новые учителя резко отличались от прежних по тому, как они держались, как давали уроки, и по вежливому обращению к нам: в старших классах нас называли на «Вы» и никогда не кричали на нас. Я тогда, конечно, специально не задумывалась над этим, но чувствовала, что было в них что-то, заставлявшее нас всех и меня, в частности, видеть самих себя как бы со стороны, что сама атмосфера школы, вроде, шлифует тебя, и тебе не столько хочется, сколько приходится, если уж не быть лучше, то хотя бы казаться себе таким в этом окружении. Я с благодарностью и теплотой вспоминаю своих учителей 312 школы, я до сих пор помню их лица, манеру одеваться, особенности речи каждого из них, их излюбленные выражения.

Тетради и учебники, даже в те, полунищие послевоенные годы, нам выдавали в школе бесплатно. Новых учебников, правда, было мало, в основном подержанные, так как потом их передавали «по наследству» в те классы, что шли за нами. И, не дай Бог, разрисовать страницу, не обернуть учебник или тетради, которые, кстати, тоже тогда выдавались бесплатно.

По возрастному составу классы были разношерстные: многие дети вообще или почти не учились в войну, смотря, где они жили: в эвакуации, в глухой сибирской деревне у родственников, на оккупированной территории или в блокадном Ленинграде. Помню, была у нас в классе такая девушка, Дина Казакова, ей было уже, наверное, лет 15, совсем взрослая по сравнению с нами, с тяжелым узлом волос на затылке, с высоким бюстом. Многие тогда уходили из школы после семилетки (как и моя подружка Нина Сихиди) в техникумы и профтехучилища, чтобы скорей получить профессию и начать зарабатывать: в те годы дети взрослели рано, иждивенчество на шее семьи было не в моде. Остальные девочки в классе отличались по возрасту друг от друга на 1-2-3 года.

Была у нас в классе и своя «элита» – ухоженные гонористые девочки в дорогих шерстяных форменных платьях с кружевными воротничками и манжетами и в элегантных, красивого кроя черных передниках (а по праздникам в шелковых белых), с добротными портфелями со щелкающими блестящими замочками на кармашках (для остальных-то девочек особым шиком были полевые военные сумки, доставшиеся им от отцов и братьев, которым повезло вернуться живыми с войны).

Классные патриции держались особняком. А нас-то они, наверно, считали плебеями: уж больно на их фоне выделялись наши чиненные на локтях штапельные мнущиеся платишки, штопаные чулки, старенькое застиранное бельишко, попадавшее на обозрение классной публике, когда мы переодевались на физкультуру, стоптанная обувь, наши пальто, перелицован-

ные из взрослых ношенных вещей. Но, насколько я помню, мы особо и не завидовали им: они казались нам скучными, в учебе особых вершин не достигали, от классных дел сторонились, а мы не стеснялись своей бедности, потому что, наверное, понимали, что по сравнению с военными годами стали жить лучше и радовались каждой новой даже перешитой вещи.

Как я училась все эти шесть ленинградских лет? По-разному. Особенно трудно было, пожалуй, первые два года. Я привыкала.

Привыкала к новому коллективу учителей и учеников, к самой школе с её новыми для меня духом и стилем. Далеко не всё получалось, как хотелось бы. Сначала очень трудно было с английским. В Ленинграде иностранный язык тогда мы начинали учить с третьего класса, а в Пятигорске только с пятого. Так что, придя в пятый класс, я не знала даже английского алфавита. Помогла Валя, старшая сестра, дав самые азы. Она просто стала говорить дома со мной на английском, время от времени поясняя, как и почему, по каким законам английской грамматики, надо строить предложение так, а не иначе. Её старания не прошли даром, скоро мы с ней уже использовали английский в личных целях, конечно, на самом примитивном пока уровне. Если возникала ссора или неприятный разговор, мы переключались на английский, чтобы не нервировать маму.

Были у меня и субъективные сложности. Война с бомбежками и страшный переезд через Ладугу не прошли даром – я стала заикаться. И сильно. Спотыкалась я на согласных, особенно глухих, когда с них начиналось слова. К тому же я картавила, не выговаривая "л" и "р". Особенно сильно все эти дефекты вылезали у меня, когда я волновалась. А потому ответы у доски в классе были для меня пыткой.

Как я стеснялась тогда говорить при всех! Год от года, по мере привыкания к классу моё заикание становилось всё меньше и меньше, а в особенно трудных местах текста я пыталась поговорить сложную для меня фразу "с разбега". Поэтому впоследствии выработался у меня стиль быстрой речи, что не было хорошо. Все свои звуки я поставила на место уже только на первом курсе института, когда тщательно отрабатывала английскую фонетику в лингафонном кабинете.

А что больше всего волновало меня в средних классах, так это невозможность нормально готовить домашнее задание дома. Нет, дело было не в лени, да и телевизоров в то время не было. Просто для этого процесса мне нужна была соответствующая обстановка, а её не было. Приткнуться было нигде: 9-метровая комната, теснота, все ходят, переговариваются, натывая друг на друга. Пока поела, помыла посуду, уже темнеет. Приходит с работы из школы Валя, делится с мамой новостями прошедшего дня, потом раскладывает на столе тетради для проверки – она работала учительницей – садится готовится к урокам на завтра. Мама ложиться спать после ужина на диван, Валя ещё занята планами, тетрадями. Я пробираюсь с книгами и тетрадями на кухню. Боюсь что-нибудь забыть – в темноте потом будет не найти, да и входить в комнату потом сестра запрещает, пока они с мамой не уснут.

На кухне у нашей стены стоит маленький стол. Ставлю на него лампу с зеленым абажуром, раскрывая на закладке учебник, читаю. Взгляд скользит по строчкам, не охватывает содержание, потому что соседка Нина Васильевна Гусева, как всегда в это время, уже здесь. Подвязав почему-то не фартук, а махровое длинное полотенце вокруг живота, священнодействует над своими кастрюлями и сковородками. Дело вовсе не в запахах, волнующих мой полупустой желудок, а в том что свое кулинарное творчество она совмещает с вокалом. Пела она всегда над плитой громко. Но не делать же замечания взрослому человеку, занятому на кухне тем, чем на ней положено заниматься – готовить, а не делать уроки! Делать письменные задания под вокал у меня получалось совсем неплохо, но вот устные! Встаю, беру учебник и иду в туалет. Сажусь на стульчак и начинаю читать, шурясь на строчке при свете тусклой лампочки под самым потолком. Даже пересказать вслух получается. А вот став постарше я нашла выход.

Прибежав из школы, наскоро поев и быстро крутанув назначенные мне Валею домашние дела, я собирала тетради, необходимые для завтрашних уроков, и взяв ученический билет, спешила в Публичку – так мы ласково называли публичную библиотеку – красивое старинное здание с белыми колоннами, поддерживающими портик многоступенчатого крыльца. Тяжёлые двери с латунными ручками открывали для меня мир покоя и удовольствия. На втором этаже я заполняла требования не только на учебники, но и на журналы вроде "Вокруг света" и "Юность", другую периодику.

Стараясь ступать неслышно в тишине огромного зала по дорожке прохода между рядами столов к своему месту, аккуратно отодвигала тяжёлый стул, садилась, нажимала кнопку на основании персональной настольной лампы. На мои тетради и книги сразу падает уютный круг света. С удовольствием я приступала к работе.

Закрыв последний учебник с чувством выполненного долга и сложив тетради, я погружалась в удовольствие непрограммного чтения и отрывалась от него только услышав басовитый звонок, возвещающий, что библиотека закрывалась.

Я до сих пор помню, как я с лёгким чувством сбегала вниз по широким ступеням на набережную, перебежала на углу у дворца Белосельских-Белозерских. Через искрящийся огнями Невский спокойно переходила к чугунной ограде Фонтанки: я любила смотреть на её ночные масляные чёрные воды. Течения её в темноте не было видно, но зато во всю длину её, насколько хватало взгляда, в реке купались с противоположного берега старинные особняки с ярко светящимися окнами, и отражались горящие там же на набережной шары фонарей, тихо колыхаясь на чёрной водной глади.

Иногда я вспоминаю те счастливые ночные прогулки из Публички домой до Техноложки, и мне кажется, будто я вновь ощущаю, как свежий Балтийский ветер треплет мне волосы на затылке, и вновь слышу, как Фонтанка лениво лижет гранит спусков, а на сердце уютно от чудного вечера, от ощущения бодрости движения засидевшегося тела и от звука моих быстрых шагов по плитам набережной. Фонтанку зимой я не любила и часто возвращалась на троллейбусе: зимой река становилось грязно-серой и разрисованный пунктирами шагов следов от спуска к спуску, и почти до середины замусоренной бутылками, банками, камнями, брошенными досужей рукой с набережной.

<...>

Ностальгия

Ну почему нам помнятся светло
Послевоенные тревоги и невзгоды?
Всё просто: ВСЕМ нам было нелегко
Плечом к плечу шагать сквозь эти годы.
Тот мир для нас ПО СУТИ был живой,
После войны нам было чем гордиться:
Собой, победой и своей страной,
У нас другие были души, лица.
Тогда страну умели понимать:
За трудности ни зла, ни укоризны.
Снижение цен, квартиру могли дать –
Так это ж в благодарность от Отчизны.
Мы радость малую умели привечать:
Делить с друзьями редкие досуги,
С волнением дни до праздников считать
И напрочь забывать свои недуги.
Так хочется вернуть тот мир живой,
Чтоб вместо масок снова были лица,
Чтоб верить вновь друг другу всей душой,
Чтоб мир не бредил ядерной войной,
Чтоб каждый мог своей страной гордиться.

Воспоминания Журавлева Михаила Матвеевича

Предисловие

Мой дедушка, Михаил Матвеевич Журавлёв, работал над этой рукописью в конце 80х – начале 90х годов прошлого столетия. В те годы, когда интернет был ещё не доступен, сложно было найти информацию о тех событиях, участником которых ему довелось быть. Поэтому, его записи основываются на собственных воспоминаниях. Ведь, как известно, фронтовикам дневники вести не разрешали.

Прибыв в составе своей дивизии из Забайкалья в сентябре 1941 года на фронт, он провоевал почти до окончания Великой Отечественной войны. Его тяжело ранило под Кёнигсбергом, но он остался жив, несмотря на многочисленные осколки разорвавшейся немецкой мины. Ему, можно сказать, повезло. Его двум братьям, Алексею и Иннокентию – нет. Они с той войны не вернулись.

Куликов Сергей Александрович, 2020 г.

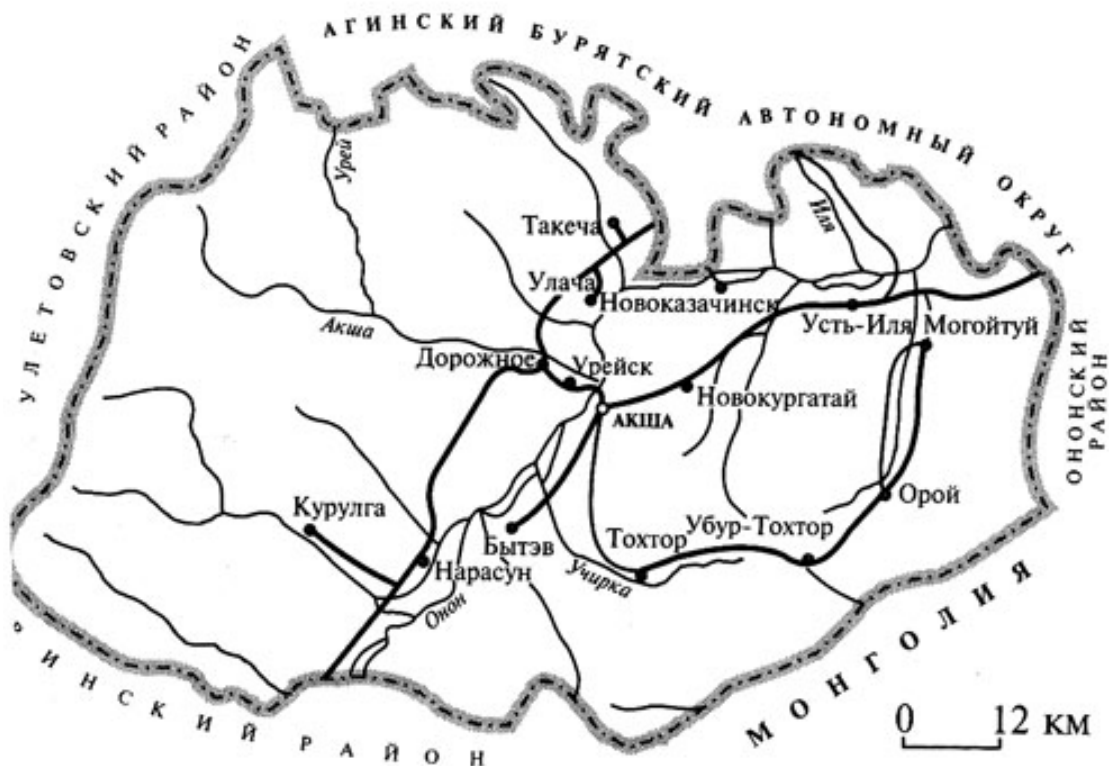
(Мои) Воспоминания

Я прожил жизнь честно.

Я родился в далёком Забайкальском селе Тактор Акшинского района Читинской области. В прошлом это был Восточно-Сибирский край. В тридцатых годах край разделился на Иркутскую, Читинскую области и Бурятскую АССР.

Село небольшое, со всех сторон окружено лесом, и лишь с одной стороны гора. Недалеко протекает маленькая речушка Учёрка. Воды в ней мало, и купаться в ней можно было только тогда, когда пойдут дожди. Поэтому не каждый из жителей умел плавать.

Село находится в 20 км от границы с Монголией и в 29 км от районного центра – Акши.

До коллективизации здесь было около двухсот дворов. Естественно, все те, кто не согласен был с Советской властью, бежали в Монголию, а оттуда – в Манчжурию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.